

ДАРЬЯ Д.

ПОСЛЕДНИЙ БИЛЕТ

Дарья Дорошенко
Последний Билет

«Автор»

2026

Дорошенко Д.

Последний Билет / Д. Дорошенко — «Автор», 2026

Один щелчок старого затвора — и мир меняется навсегда. Разбирая хлам, Алиса находит в кармане куртки загадочный бордовый билет до станции «Мыс Забвения». Спустя час тайный поезд с нулевого пути Ярославского вокзала увозит её из серой Москвы туда, где время остановилось. Она выходит на залитый солнцем перрон вечного июля, где пахнет персиками и морем, а на пляже её встречает Марк — парень, которого она похоронила три года назад. Разум кричит, что это безумие, но Марк теплый, живой и зовет её в лодку к светящемуся планктону. Алиса готова остаться в этой иллюзии навсегда. Однако проявленные пленочные снимки бьют под дых: Марк на них четкий, а сама Алиса — прозрачная, как призрак. Конец августа неумолимо близок, город начинает рушиться, и последний поезд уже ждет на перроне. Это история о том, как ради спасения собственной жизни нужно найти в себе силы отпустить того, кого любишь больше всего на свете.

© Дорошенко Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Последний Билет

Глава 1

Посвящается всем, кто остался на перроне, когда их главный поезд уже ушел.

Тем, кто каждую осень ищет в толпе знакомые карие глаза, и тем, чьё лето навсегда закончилось в один конкретный дождливый день. Эта книга — для вас. Чтобы вы помнили: отпустить — не значит забыть. Отпустить — значит пообещать жить за двоих.

**Я просто хочу
Я вновь сорву, сказав, что я
Не думал о твоих глазах
Не думал о твоих касаниях
Не думал написать
Вновь совру, сказав, что
У меня дела ништяк
Трек: как твои дела-zaуatz**

В комнате пахло пылью, перегретым пластиком и безысходностью. Алиса сидела на полу, прислонившись спиной к старой тумбочке, и смотрела на капли грязной воды, которые медленно, одна за другой, падали из сломавшегося кондиционера в пластиковое ведро. *Кап. Кап. Кап.* Этот звук мерил её жизнь последние три года. Жизнь, в которой не происходило абсолютно ничего.

Ей было двадцать шесть, но в зеркале на неё смотрела женщина без возраста. Блеклые, вечно завязанные в небрежный пучок русые волосы, серая футболка на два размера больше нужного, осунувшееся лицо и глаза. Самое страшное было в глазах — в них не осталось ни злости, ни обиды, ни радости. Обыкновенная, тупая, стерильная пустота. Психотерапевт называл это «посттравматическим онемением», но Алиса знала правду: она просто умерла, просто забыла предупредить об этом загс и пенсионный фонд. Она ходила на работу в небольшое фотоателье на окраине Москвы, механически щелкала затвором, делая фотографии на паспорта и визы, выслушивала жалобы клиентов на плохое освещение, возвращалась в свою пустую однокомнатную квартиру на двенадцатом этаже и засыпала под бубнящий телевизор. Города вокруг неё не существовало. Была лишь бесконечная серая взвесь из смога, асфальта и чужих, спешащих мимо лиц.

— Черт бы тебя побрал, — хрипло прошептала Алиса, когда очередная капля пролетела мимо ведра и шлёпнулась прямо на её старые джинсы.

Она поднялась, чувствуя, как затекли колени. Нужно было найти какую-нибудь тряпку. Алиса подошла к шкафу в прихожей — громоздкому чудовищу из ДСП, которое осталось от прежних хозяев. В самой глубине, на нижней полке, среди старых шарфов и ненужного хлама, лежала её старая штормовка. Плотная, темно-синяя куртка, которую она не надевала с той самой... с тех самых пор. Алиса протянула руку, пальцы коснулись грубой ткани, и по телу пробежала мимолетная, неприятная дрожь. Ей показалось, что из глубины шкафа пахло чем-то совершенно неуместным для душного московского июня — мокрой хвоей и холодным речным ветром.

Она вытащила куртку. Тяжелая. Внутри что-то глухо стукнуло о деревянное дно шкафа. Алиса сунула руку в боковой карман. Пальцы наткнулись на кусок старой мятной жвачки, зажигалку, в которой давно кончился газ, и какой-то плотный прямоугольник.

Она вытащила его на свет.

Это был билет. Не электронный распечатанный лист формата А4, к которым все привыкли, и не безликая серая карточка на метро. Это был плотный, тяжелый картон благородного бархатисто-бордового цвета с тиснением, выполненным потускневшей от времени позолотой. На ощупь он казался странно теплым, словно его только что достали из чужого кармана.

Алиса поднесла билет ближе к глазам. Шрифты были старомодными, с виньетками и завитками, какие использовали на железных дорогах в начале прошлого века.

«*Министерство Путей и Сообщений*», — гласила верхняя строчка.

Ниже, крупными рельефными буквами: «*Маршрут №0. Москва-Пассажирская — Мыс Забвения*».

В графе «Дата и время» стоял прочерк, похожий на знак бесконечности. В графе «Место» — короткое слово: «*Любое*».

Алиса нахмурилась. «Мыс Забвения»? Она неплохо знала географию, но никогда не слышала о таком населенном пункте в России. Никаких станций с таким поэтичным и мрачным названием на картах РЖД не значилось. Да и откуда этот билет взялся в её куртке? Три года назад они с... Она оборвала мысль, больно прикусив губу. Нельзя вспоминать. Разум тут же выстроил привычную глухую стену. Три года назад они никуда не собирались ехать на поезде. У них была машина. Старая, серая «Лада», у которой вечно барахлил левый поворотник.

Она хотела бросить картонку обратно в шкаф, но пальцы почему-то отказались разжиматься. В груди, там, где под ребрами давно все выгорело до состояния пепла, вдруг слабо, едва заметно кольнуло. Это было забытое, пугающее чувство — любопытство. За последние тридцать шесть месяцев это было первое проявление какой-то внутренней жизни.

Алиса посмотрела на часы. Было начало седьмого вечера. Суббота. Впереди тянулись два дня абсолютного, звенящего одиночества.

— Глупость какая, — сказала она вслух пустому коридору. — Просто чья-то шутка. Рекламный флаер какого-нибудь квеста или закрытого бара.

Но ноги уже сами несли её в комнату. Она скинула домашнюю футболку, натянула чистую рубашку, схватила с тумбочки старый рюкзак, куда бросила паспорт, кошелек и зачем-то — старую пленочную камеру «Зенит», которая принадлежала её отцу. Камера давно лежала без дела, внутри даже не было пленки, но Алиса взяла её чисто механически, как делают люди, пытающиеся зацепиться за остатки своей прежней профессии.

Через двадцать минут она уже стояла на перроне Ярославского вокзала.

Вокзал жил своей обычной, суетливой и грязной жизнью. Объявления диспетчера сливались в сплошной гул, пахло чебуреками, дешевым кофе и креозотом. Толпы людей с огромными сумками на колесиках, дачники с рассадой, кричащие дети — весь этот человеческий водоворот обтекал Алису, словно она была серым камнем посреди бурной реки.

Она подошла к электронному табло. Строчки бежали вверх, сменяя друг друга: *Мытищи, Сергиев Посад, Александров, Ярославль, Кострома*. Никакого «Маршрута №0». Никакого «Мыса Забвения».

Алиса горько усмехнулась собственной глупости. Ну конечно. На что она надеялась? Что сказка ворвется в её серую жизнь просто потому, что она нашла красивую бумажку в старом кармане? Она повернулась, чтобы пойти обратно к метро, как вдруг её взгляд зацепился за указатель в самом конце платформы, туда, где пути уходили в глухой, неосвещенный тупик за ремонтными ангарами.

Там стоял указатель. Маленькая, ржавая жестяная табличка, на которой от руки, белой краской, было выведено: «Путь 0».

Алиса поправила лямку рюкзака и пошла туда. Чем дальше она продвигалась, тем тише становился вокзальный шум. Шаги гулко эхом отдавались от бетонных стен ангаров. Воздух здесь стал холодным, плотным, и в нем отчетливо заструился туман. Для середины июня в

Москве это было совершенно неестественно — плотный, молочно-белый туман, который пах не выхлопными газами, а речной прохладой и сырой землей.

В самом конце нулевого пути, у заросшего лопухами тупикового упора, стоял состав.

Он выглядел так, словно сбежал со старой черно-белой фотографии. Тяжелый, угольно-черный паровоз, из трубы которого лениво поднимался густой дым, и три деревянных пассажирских вагона, выкрашенных в глубокий темно-зеленый цвет. Окна вагонов светились мягким, теплым янтарным светом. Никаких номеров, никаких маршрутных досок на бортах.

У подножки второго вагона стоял человек. На нем была строгая шинель с блестящими пуговицами и фуражка с высокой тульей. Лицо проводника скрывала густая тень от козырька, видны были только аккуратно подстриженные седые усы.

Алиса остановилась в нескольких шагах от него. Сердце в груди колотилось как сумасшедшее. Весь её здравый смысл, все остатки логики кричали: *«Беги! Беги обратно в свою душную квартиру, к своему ведру и кондею! Это бред, это галлюцинация!»* Но ноги словно налились свинцом, а взгляд намертво прирос к теплому свету, падавшему из окон вагона.

— Посадка заканчивается, барышня, — тихо, но отчетливо произнес проводник. Голос у него был глубокий, бархатный, с легкой хрипотцой.

— Я... я не знаю, туда ли мне, — Алиса протянула вперед дрожащую руку, в которой был зажат бордовый билет.

Проводник даже не посмотрел на картонку. Он лишь слегка наклонил голову, и из-под козырька фуражки на секунду блеснули удивительно молодые, внимательные глаза.

— Туда, Алиса. Именно туда. Все, кто находит этот билет, едут в одно и то же место. Проходите, располагайтесь. Место любое.

Он отступил в сторону, открывая проход. Алиса сделала шаг вперед. Деревянная ступенька скрипнула под её кроссовком. Из тамбура пахло сухими травами, деревом и печным теплом. Как только её вторая нога оторвалась от перрона, позади раздался тяжелый, металлический вздох — дверь вагона захлопнулась, отрезая её от Москвы, от Ярославского вокзала и от всей её прошлой жизни.

Внутри вагон оказался удивительно уютным и старомодным. Никакого пластика или безликой обивки. Стены были отделаны полированным темным деревом, на окнах висели тяжелые бархатные шторы с золотыми кистями, а вдоль прохода тянулась мягкая ковровая дорожка. На небольших столиках у каждого дивана стояли настольные лампы с зелеными абажурами, отбрасывающими мягкий, успокаивающий свет.

Вагон был почти пуст. Алиса прошла мимо нескольких купе. В одном спиной к ней сидел мужчина в сером пальто и читал газету, страницы которой казались совершенно чистыми. В другом купе у окна дремала пожилая женщина в старомодной вуали, баюкая на коленях пустую плетеную корзину. Никто не повернул головы, когда Алиса проходила мимо. Они казались не столько людьми, сколько декорациями к какому-то странному спектаклю.

Она выбрала свободное купе в самом конце вагона, села у окна и прижалась лбом к прохладному стеклу. Поезд тронулся. Не было привычного резкого рывка, грохота стыков или скрежета колес. Состав поплыл вперед абсолютно бесшумно, словно скользил не по рельсам, а по маслу.

За окном потянулась серая стена тумана. Сначала сквозь нее еще угадывались силуэты московских многоэтажек, неоновые вывески торговых центров и огни автомобильных фар на Третьем кольце. Но постепенно туман становился все гуще, плотнее, пока полностью не поглотил мир снаружи. Пропали звуки. Пропало ощущение скорости. Было только мерное, убаюкивающее покачивание вагона и зеленый свет лампы.

Алиса не заметила, как закрыла глаза. Навалилась такая дикая, свинцовая усталость, какую она не чувствовала уже очень давно. Это была не та усталость, что приходит после тяжелого рабочего дня, а та, что копится годами, когда человек заставляет себя дышать, ходить и

говорить через силу. Мозг, уставший анализировать безумие происходящего, просто отключился.

Ей снился сон. Тот самый сон, который преследовал её первую половину года после аварии, а потом пропал.

Она стоит на берегу реки. На другом берегу — темно, и там горит большой костер. Около костра стоит человек, его силуэт размыт, но она знает, кто это. Она кричит, зовет его по имени, но голос пропадает, превращаясь в беззвучный хрип. Вода в реке начинает стремительно прибывать, она холодная как лед, она доходит ей до колен, до пояса, до груди...

Алиса резко вздрогнула и открыла глаза.

В купе было светло. Но это был не зеленый свет настольной лампы. Это было солнце. Настоящее, бьющее в глаза, ослепительное летнее солнце.

Поезд стоял.

Алиса зажмурилась, спасаясь от ярких лучей, и несколько секунд пыталась сообразить, где находится. Прохладный воздух, врывающийся в приоткрытое окно вагона, был совершенно другим. В нем не было ни капли московской гари. Он был густым, соленым и до боли в легких сладким. Так пахнет море, смешанное с ароматом перегретой на солнце сосновой хвои и диких цветов.

Она взглянула в окно и у неё перехватило дыхание.

Поезд стоял на крошечной станции, которая располагалась прямо на высоком обрыве. А внизу, насколько хватало глаз, простиралось море. Оно было такого глубокого, пронзительного бирюзового цвета, какого Алиса никогда не видела даже на отфотошопленных туристических буклетах. Солнечные блики прыгали по мелким волнам, превращая водную гладь в миллиарды рассыпанных бриллиантов.

Перрон станции был выложен аккуратной желтой плиткой, сквозь стыки которой пробивалась сочная зеленая трава. На деревянной скамейке у небольшого белого здания вокзала стоял глиняный горшок с огромной, пышно цветущей розовой геранью. На стене здания висела круглая деревянная вывеска, выполненная аккуратными синими буквами:

«МЫС ЗАБВЕНИЯ»

Алиса сидела неподвижно, боясь пошевелиться. Ей казалось, что если она сделает хоть одно резкое движение, этот мираж растает, и она снова окажется в своей душной комнате у пластикового ведра. Но тепло, падавшее на её руки через стекло, было абсолютно реальным. Оно согревало кожу, проникало под ткань рубашки, и это было так непривычно, что на глазах у Алисы выступили слезы. Она отвыкла от тепла. Три года внутри неё царил вечная, арктическая зима.

Дверь купе тихо отъехала в сторону. На пороге стоял проводник. На его плече висело белоснежное полотенце.

— Приехали, барышня. Конечная, — он улыбнулся в усы. — Прошу на выход. Лето заждалось.

— Какое сегодня число? — хрипло спросила Алиса, поднимаясь и хватая рюкзак.

— Июль, — просто ответил проводник.

— Нет, мне нужно точное число. Какое сегодня число и какой год?

Проводник посмотрел на неё с мягким сочувствием, какое бывает у врачей, знающих о диагнозе пациента больше, чем он сам.

— Здесь нет чисел, Алиса. И годов тоже нет. Здесь всегда июль. Всегда полдень. И всегда тепло. Идите, вам нужно сойти на берег.

Алиса вышла в коридор. Вагон был абсолютно пуст. Ни мужчины в сером пальто, ни женщины с корзиной. Только легкий ветерок шевелил бархатные шторы. Она спустилась по деревянным ступенькам на перрон.

Как только её подошвы коснулись желтой плитки, позади раздался знакомый металлический вздох. Алиса обернулась. Поезд, бесшумно набрав скорость, уже уходил в сторону скал, растворяясь в прозрачном, дрожащем от жары воздухе. Через секунду рельсы опустели. Остался только тихий шорох прибоя где-то внизу и стрекот цикад в траве.

Она стояла одна посреди этого безумного, оглушительного лета. Краски вокруг были такими яркими, что глазам было больно. Небо — пронзительно-синее, без единого облачка. Скалы — золотисто-рыжие. Трава — изумрудная. Мир вокруг казался нереальным, словно кто-то выкрутил ручку насыщенности в графическом редакторе на максимум.

Алиса медленно пошла вдоль перрона. Здание вокзала было заперто. Через чистые стекла окон она увидела лишь пустой зал ожидания с деревянными диванами и неработающую кассу. Ни души.

От станции вниз, к морю, вела старая, полуразрушенная каменная лестница, обвитая диким виноградом. Алиса поправила рюкзак и начала спускаться. Каждый шаг давался ей с трудом — не от физической усталости, а от странного ощущения в груди. Пепел внутри неё начал шевелиться. Сердце, которое три года работало в режиме экономного пульса, вдруг застучало чаще.

Лестница закончилась, и Алиса вышла на широкий, абсолютно пустой пляж. Песок здесь был мелким, белым и таким горячим, что тепло пробивало даже толстую подошву её кроссовок. Волны с тихим шуршанием набегали на берег, оставляя после себя кружевную белую пену.

Она прошла несколько метров у самой кромки воды. Вода была прозрачной как стекло — на дне был виден каждый маленький камешек и каждая ракушка.

Алиса остановилась. Она сбросила рюкзак на песок, разулась и осторожно шагнула в воду. Прибой ласково лизнул её щиколотки. Вода была теплой, как парное молоко.

И в этот момент Алиса почувствовала, как по её щекам покатились слезы. Она не плакала так очень давно. Это были не те слезы боли, которые душат по ночам. Это были слезы шока от того, что её замороженные, мертвые рецепторы вдруг снова начали работать. Она чувствовала. Чувствовала кожей горячий песок, теплую воду, соленый ветер, который растрепал её пучок и теперь путал волосы. Она слышал крик чаек где-то высоко в небе.

Она была жива. По крайней мере, её тело отказывалось верить в обратное.

Алиса опустила на колени прямо в воду, не заботясь о том, что джинсы моментально промокли. Она зачерпнула пригоршню соленой воды и умыла лицо.

— Где я? — прошептала она в пустоту. — Боже мой, где я нахожусь?

— Это Мыс Забвения, — раздался сзади спокойный, мягкий мужской голос.

Алиса резко обернулась, едва не потеряв равновесие в воде.

В нескольких шагах от неё, у кромки сухой травы, стоял парень. На нем были легкие светлые льняные брюки и свободная белая рубашка с засученными рукавами. В руках он держал старый деревянный планшет с закрепленным на нем листом плотной бумаги и кисть. Рядом на песке стояла небольшая баночка с водой и растрепанная коробка акварельных красок.

У него были растрепанные ветром темно-каштановые волосы, загорелое лицо и удивительно знакомые, теплые карие глаза с тонкими лучиками морщинок в уголках. Он смотрел на неё с легкой, доброй улыбкой, словно ждал её здесь уже очень, очень давно.

Алиса замерла, боясь сделать вдох. Сердце в её груди пропустило удар, а затем забилось с такой силой, что ей показалось, будто этот стук слышен на всем побережье.

— Марк?.. — едва слышно вырвалось из её пересохшего горла.

Парень прищурился от яркого солнца, наклонил голову набок и улыбнулся еще шире.

— Привет, Лисёнок, — тихо сказал он. — Ты опоздала на целую вечность. Но я рад, что ты всё-таки приехала.

Глава 2

Трек: Петарды -kavabanga Depo kolibri.

Шум прибоя казался слишком громким. Он заполнял всю голову, вытесняя мысли, которые еще секунду назад казались Алисе важными. Она стояла по колена в теплой соленой воде, джинсы потяжелели и облепили ноги, а пальцы рук мелко дрожали.

— Марк?.. — её голос сорвался, превратившись в едва слышный шепот.

Парень на берегу аккуратно положил деревянный планшет на сухой песок, прямо поверх своей обуви. Он сделал два шага навстречу, останавливаясь у самой кромки воды, туда, куда докатывалась лишь легкая кружевная пена. Солнечные блики от воды прыгали по его белой льняной рубашке.

— Ты промокнешь, Алиса, — сказал он, протягивая ей руку. Ладонь у него была широкая, с ровными длинными пальцами. На среднем пальце виднелась небольшая мозоль — точно такая же, какую он заработал еще на первом курсе института, когда сутками не выпускал из рук карандаши и чертежные ручки.

Алиса посмотрела на его руку. В горле встал сухой, колючий ком. Её разум, послушный, вымученный трехлетней дрессировкой психотерапевтов и таблеток, моментально включил аварийные sireны. *«Этого не может быть. Марка нет. Марк погиб три года назад. Тринадцатого августа. Ты была на кладбище. Ты видела черный гранит. Ты помнишь холодный осенний дождь, который стучал по зонтам. Это галлюцинация. У тебя психоз. Гормональный сбой. Солнечный удар».*

— Не подходи ко мне, — выдохнула она, отступая на шаг назад, глубже в море. Вода дошла до середины бёдер. — Не подходи. Ты мне снишься. Или я схожу с ума. Это... это просто из-за жары. Я сейчас закрою глаза, досчитаю до десяти, и всё пройдет.

Марк не шелохнулся. Он не пытался поймать её или успокоить, как сделал бы реальный человек, столкнувшийся с чужой истерикой. Он просто смотрел на неё — спокойно, с той самой мягкой, терпеливой грустью, которую она помнила до мельчайших подробностей.

— Считай, — тихо разрешил он. — Я подожду.

Алиса зажмурилась так сильно, что перед глазами поплыли цветные круги. *«Один. Два. Три. Я на Ярославском вокзале. Я просто уснула на скамейке в зале ожидания. Четыре. Пять. Шесть. Сейчас придет полиция или скорая, меня растолкают. Семь. Восемь. Девять...»*

Она открыла глаза.

Ничего не изменилось. Тот же слепящий лазурный горизонт. Тот же крик чаек. И Марк, который теперь сидел на корточках у воды, лениво перебирая пальцами мелкую гальку.

— Ну что, помогло? — спросил он, не поднимая головы.

— Кто ты? — Алиса почувствовала, как к горлу подступает тошнота от страха и диссонанса. — Перестань. Издеваться. Кто ты такой и откуда знаешь моё имя?

Парень поднялся, отряхнул ладони от песка. Он вздохнул, и этот вздох — прерывистый, живой — показался Алисе самым страшным звуком на свете. Призраки не вздыхают так тяжело.

— Я Марк, Алиса. Твой Марк. Но если тебе легче думать, что я актер, сумасшедший или плод твоего воображения — пусть будет так. Главное, выйди из воды. Ты простудишься. Здесь, конечно, вечное лето, но вода в море настоящая.

Алиса медленно, боком, не сводя с него дикого взгляда, побрела к берегу. Её рюкзак лежал на сухом песке чуть поодаль. Она подхватила его за лямку, выскочила на сушу и, не обуваясь, бросилась обратно к каменной лестнице, ведущей к вокзалу. Она бежала, тяжело

дыша, мокрые штанины били по щиколоткам, песок облепил грязные ступни. Она не оглядывалась. Ей казалось, что если она обернется, то увидит, как этот человек идет за ней, или, что еще хуже, растворяется в воздухе.

Она взлетела по каменным ступеням, хватаясь за ветки дикого винограда. Пальцы соскальзывали, она оцарапала ладонь о шершавый камень, но даже не заметила боли. Главное — вокзал. Там пути. Там должен быть поезд обратно. Поезда всегда ходят в обе стороны. Это закон железных дорог.

Но когда она, задыхаясь, выскочила на перрон, её встретило всё то же звенящее, полуденное молчание.

Железнодорожные рельсы блестели под солнцем. Они уходили вправо, огибая скалу, и влево, исчезая в густых зарослях южной акации. Никаких поездов. Никакого расписания. Белая дверь вокзального здания с табличкой «Мыс Забвения» по-прежнему была закрыта. На подоконнике мирно цвела розовая герань, и её приторный, гераниевый запах сейчас казался Алисе удушающим.

Она подбежала к двери, подергала за медную ручку. Заперто. Заколочено изнутри. Она заглянула в окно кассы — на пыльном столе лежал старый дисковый телефон и стопка чистых бланков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.